

Имена оказались довольно заковыристыми. Цзан Гуаньмо щелкнул пальцами и, довольно властно заявив, что Линь И и Линь Эр звучит куда проще и легче запомнить, решил вопрос на месте. Те двое лишь обиженно пробормотали: Подумаешь, твое имя самое сложное, а мы ведь слова не сказали.

В первый день после прибытия важнее всего было освоиться. Секси выложил перед нами план виллы: На время тренировочного сбора это наша база. Никаких жестких правил или комендантского часа, все держится на сознательности. Конечно, вы и сами понимаете, что за этот период должны научиться отвечать за себя сами.

Сказав это, он перешел к распределению комнат. Гостевых было всего четыре, а нас семеро плюс Секси. По парам — самое то. Линь И и Линь Эр, разумеется, сразу сбились в одну кучку, а Цзинь Ли, окинув всех взглядом, поспешил подкатить к Фэн Сую.

Я обвел глазами комнату, повернулся к Цзан Гуаньмо и сказал: Брат.

Тот, вальяжно прислонившись к стене, глянул на меня свысока: Я не люблю шум, а ты слишком беспокойный.

Люй Цю, ехидно ухмыльнувшись, подлил масла в огонь: И то верно, я тоже считаю, что ты ужасно раздражающий.

Я пришел в ярость. Цзяо Юаньбао забежал с моего плеча на плечо Люй Цю, пытаясь угодить обоим, а я, решив напакостить, со злобной ухмылкой заметил, что, если ничего не выйдет, придется обратиться к учителю Сяо.

Секси подыграл, бросив на меня красноречивый, недетский взгляд. Люй Цю вмиг изменился в лице, схватил меня за руку и прошептал предупреждение: Цзяо Цзяо, я же говорил, не вздумай строить ему глазки.

Угроза в его голосе заставила мое сердце сжаться. Люй Цю, неужели ты не понимаешь таких шуток? Твоя выдержка никуда не годится, так и с ума сойдешь.

Люй Цю замер, глядя на меня, хотел что-то сказать, но промолчал, горько усмехнулся и подошел к Секси: Мы будем в одной комнате?

Секси повел бровью, ему было совершенно все равно: В одной? Ладно. Но только в моей комнате не должно быть никаких мелких животных, у меня аллергия.

Люй Цю опустил голову в нерешительности, Юаньбао жалобно пискнул, чмокнул его в щеку и тоскливо перепрыгнул ко мне на плечо.

Я повеселел: вот и все, Цзан Гуаньмо и Цзяо Юаньбао, двое оставшихся, достались мне.

Зайдя в комнату, я пришел в восторг: условия просто сказочные. Телевизор, кондиционер, DVD — что душе угодно, и горячая вода круглосуточно, причем бесплатно.

Четыре гостевые комнаты выходили друг напротив друга. Если не считать Секси и Люй Цю, которые вели себя крайне загадочно, плотно закрывая дверь, как только заходили внутрь, остальные три комнаты были открыты для свободного посещения. Я человек своеобразный: когда с кем-то сближаюсь, становлюсь открытым, но с незнакомцами веду себя крайне неловко — так уж вышло, что к светским беседам я не приспособлен.

Цзан Гуаньмо был полной противоположностью: бросил сумку и, не удосужившись даже бросить мне словечко, умчался в соседнюю комнату болтать с Линь И и Линь Эр. Из коридора доносился его залихватский смех, они обсуждали музыку, ритм и искусство. Вскоре к ним с энтузиазмом присоединился Фэн Суй, и через минуту они уже всю называли друг друга братьями.

Я внезапно почувствовал себя одиноко. Некоторое время сидел, прижав руку к груди, пока Юаньбао не дернул меня за ухо.

Закончив разбирать вещи, я нашел в сумке игрушечного Хамутаро из завтрака, который покупал Цзан Гуаньмо, и решил подразнить им Юаньбао: Смотри, родственник.

Кто бы мог подумать, что Юаньбао вдруг разозлится: он заверещал от ревности и начал царапать мне руку.

Ну ничего себе. Моя натура склонна к извращениям только когда дело касается издевательств над слабыми. Я со злобной радостью поцеловал игрушку, и у Юаньбао от ярости поникли уши. Он в сердцах принялся рвать на себе крошечный пиджачок из пестрой ткани, а когда понял, что я не прекращаю, в отчаянии соскользнул с кровати, забился в угол у стены и отвернулся. Как бы я его ни звал, он не откликался, превратившись в маленький комочек мрачного уныния.

Я вытер пот со лба. Еще не стал звездой, а уже замашки такие, как у примадонны.

Делать нечего, пришлось идти в комнату Линь И и Линь Эр. Цзан Гуаньмо был так поглощен обсуждением джаза, что при виде меня нахмурился: Цзяо Цзяо? Что-то случилось?

Я даже не посмотрел на него, ведь для меня джаз — это лучшее снотворное: Держи, забирайте себе, как украшение.

Линь И и Линь Эр еще не успели поблагодарить, как Цзан Гуаньмо уже навис надо мной, допытываясь, в чем дело.

Юаньбао ревнует, — кратко ответил я.

Ха-ха! — этот дурак залился смехом, не переставая, словно с ума сошел.

Мне было не до него, перекинувшись парой слов, я вернулся в свою комнату. Цзан Гуаньмо шел следом, продолжая прыскать со смеху, и только дойдя до коридора, перевел дыхание и заикаясь произнес: Я-то думаю, что за... что за кислая морда? У отца и сына одна болезнь.

Распаковка вещей, осмотр территории, запоминание распорядка дня и правил — вся эта суета заняла время до самого вечера.

Только теперь я понял, что беззаботная жизнь продлится недолго: с завтрашнего дня нас, как мартышек, начнут гонять учителя по танцам, теории музыки и игре на инструментах. Секси выглядел так серьезно, что, скорее всего, если пара человек не свалится с ног от усталости, значит, они были недостаточно выносливыми.

У меня заболела голова от осознания тяжести предстоящего. Подумать только, такое приятное дело, как музыка, превратили в скучные уроки. Да и ничего из этого я толком не умел. Все эти танцы и сольфеджио отдавали налетом капиталистического разложения, а мне, выходцу из крестьянской семьи, оставаться чистым среди такой грязи будет ох как трудно.

Но в глубине души я все же радовался: наконец-то я добрался до теплого местечка, где можно приобщиться к буржуазному блеску.

Вся компания собралась в холле поболтать. Юаньбао, бегая туда-сюда, стал всеобщим любимцем, каждый норовил его потискать — даже если бы среди нас была девушка, она бы вряд ли пользовалась таким успехом. Все привыкли звать его по имени, вслед за мной, а он и рад — вел себя послушно и со всеми ластился. Он умудрился выпросить у Линь Эр кучу шоколада; говорят, тот припас его для своей девушки.

Люй Цю с недовольством проворчал что-то про неблагодарную зверюгу и повернулся к Фэн Сую, чтобы обсудить технику брейкинга и вейва. Остальные слушали с живым интересом. Я уловил пару фраз, но ничего не понял и с тоской подумал, что эти любители искусства сговорились насмеяться над деревенщиной. Тут я увидел, как Цзан Гуаньмо воодушевленно вышел в центр площадки и, махнув рукой, продемонстрировал свои танцевальные навыки: то ногу вскинет, то в круговом движении на пол присядет.

Линь Эр восторженно крикнул: Красава, брат!

Все захлопали, даже этот хитрый Цзинь Ли с выражением искреннего восхищения начал отбивать ритм, поддерживая его. Цзан Гуаньмо, оказавшись в центре внимания, был

совершенно удовлетворен и выглядел невероятно самодовольно. Завершив выступление, он ни на кого не глядя, улыбнулся только мне: Цзяо Цзяо, ну как? Брат тебя не опозорил?

Моя хандра вмиг улетучилась, я почувствовал гордость и, широко ухмыляясь, показал ему большой палец: Круто.

Секси, все это время наблюдавший за нами, подошел и взлохматил мне волосы. Я оскалился, а он весело заметил: Цзяо Цзяо, почувствовал конкуренцию? У них у всех есть козыри в рукаве, так что, если не будешь пахать, первым, кого вышвырнут, станешь ты.

Я человек крайне мелочный и до мозга костей язвительный, правду не люблю. Чем больше слова, тем больше я пропускаю их мимо ушей, думая про себя: Ты же сам напросился, если уж так во мне сомневался, зачем было пропихивать меня вне конкурса? И что у него на уме...

Я опустил голову, не отвечая. Секси подумал, что я испугался: Боишься?

Я посмотрел на Цзан Гуаньмо, тот с невозмутимым видом показал Секси два больших пальца вниз.

Хочешь свалить? — продолжал Секси. Я повернулся к нему с максимально серьезным лицом: Учитель Сяо, давайте обсудим кое-что.

Секси посерьезнел: Слушаю.

Кормить будете? — спросил я. — Уже сколько времени, я за весь день только гамбургер съел.

Секси вздохнул и с улыбкой позвал всех: Хочу уточнить, с завтрашнего дня компания берет питание на себя. Нам будут присылать еду, а в комнатах есть сухие пайки на случай экстренного голода. Что касается ужина сегодня, придется идти в ресторан.

Люй Цю в шутку спросил: А какой будет уровень кухни?

Секси посмотрел на него и невольно сделал пару шагов вперед: Обижать вас не стану... можно будет даже заказывать блюда.

У меня непроизвольно потекли слюнки, и я спросил: Можно заказать что угодно?

Цзан Гуаньмо, решив, что я веду себя как голодный пес, отвесил мне подзатыльник. Я от боли крикнул: Юаньбао! — и тот, размахивая лапами, с готовностью бросился на Цзан Гуаньмо, но из-за своей пухлости смог лишь повиснуть у него на руке.

Секси засмеялся: Хорошо, Цзяо Цзяо, чего ты хочешь?

Я сразу представил себе гору золота: Лобстеров! — хихикнул я.

Цзинь Ли хмыкнул: Никогда не пробовал, что ли? Цзан Гуаньмо помрачнел, его брови сошлись на переносице. Этот парень тоже был с гнильцой: он сам мог надо мной потешаться, но услышав намеренное пренебрежение в голосе другого, тут же вспыхнул: Чего фыркаешь! Раз такой смелый, заказывай лобстеров и не ешь. Покажи, на что способен.

Цзинь Ли побледнел, посмотрел на нас и с трудом сдержался, промолчав. Секси не проронил ни слова — явно проверял нас на сплоченность и умение постоять за себя.

Кхм-кхм. — Я было собрался продолжить, но меня перехватил другой силач. Фэн Суй с легкой усмешкой произнес: Ну чего вы? Лобстеры — не такая уж редкость. Сегодня и поедим, я угощаю — в честь нашего знакомства.

Вот это да. С этим парнем лучше не враждовать.

Я тайне цокнул языком и, переглянувшись с Люй Цю, невольно улыбнулся. Секси с одобрением похлопал Фэн Суя по плечу: Разве это дело, чтобы ребенок платил за ужин? Нет уж, я угощаю.

Пф, — уверенно бросил я, — дядя, не смешите. Вы-то из своего кармана платить не будете, все покроет компания, я ведь понимаю?

Секси уже дошел до двери, услышав это, расхохотался, обернулся и сказал: Цзяо Цзяо, с чего это ты вдруг стал таким колючим?

Я потер переносицу и с дерзкой улыбкой посмотрел на него, а затем на Цзинь Ли: Я человек вредный и переменчивый, терпеть не могу, когда меня презирают. Кто на меня косо посмотрит — пожалеет.

Это было в точности то, что нужно Секси. Он весело зашагал прочь: Окей, я буду ждать.

Все уставились на меня. Должно быть, когда я изрек свое великое обещание, вокруг меня разлилось ослепительное сияние, ярче всяких бриллиантов. В общем, им стало неловко, они закрыли глаза и потянулись к выходу. Юаньбао, переваливаясь на пухлых лапках, запрыгнул в машину Секси вслед за толпой. Мы с Цзан Гуаньмо остались последними. Он тихо рассмеялся: Вот же, умеешь ты пускать пыль в глаза.

Я подобострастно обнял его за плечи: Брат, ты должен меня прикрыть.

С какой стати? Ты же ходячая проблема, даже после туалета смывать не умеешь. — Подойдя к мотоциклу, он припомнил мне выдуманный грех.

Остальные уехали на машине Секси, Юаньбао в своем пестром пиджачке гордо восседал на окне, привлекая внимание всю дорогу.

Я почувствовал себя ущемленным: вот ведь, он теперь звезда.

Эй, ты правду сказал? — спросил Цзан Гуаньмо, нажимая на газ.

Правду, конечно. Ты и правда должен меня прикрыть.

Иди ты, — он хлопнул меня по заднице, и я в испуге запрыгнул на заднее сиденье. — Я про то, как ты обещал, что никто не посмеет на тебя смотреть свысока.

Я открыл рот, но не успел сказать ни слова, как он нахлобучил на меня шлем и тронулся. Все мои слова утонули в реве мотора.

Что ты там бормочешь? — крикнул он, обернувшись. — Ни слова не слышу!

Я закричал в ответ, вложив в голос всю силу, что была: ...Я сказал, что этот Цзинь Ли — скользкий тип, терпеть таких не могу!

Все верно, черт возьми. Если кто и может посмеяться над тобой, так это только я, а остальным даже думать об этом запрещено. Смерти ищут.

...Что за бред я несу? Опомившись, я отвесил себе затрецину через шлем. Рука ужасно болела. Вот же ничтожество, еще и радуешься таким словам.

...На самом деле я хотел сказать...

Из-за тебя я не хочу отступать.

Я хочу потеть вместе с тобой до изнеможения.

Я хочу лететь вместе с тобой за своей мечтой.

Я хочу проживать юность без оглядки, с гордо поднятой головой.

Я хочу хранить вместе с тобой самые яркие воспоминания, чтобы не забыть их до самой

старости.

К счастью, он не услышал, иначе точно бы стошнило.

Лобстеров мы в итоге не ели. Нашли ближайшую парковку и зашли в ресторан Даюй. Увидев, что он японский, я расстроился: дорого, а наесться досыта нельзя. Линь И и Линь Эр, как два близнеца, в один голос заявили, что там есть шведский стол, и дело даже не в безлимитной еде, а в возможности заказывать что угодно.

На входе Люй Цю остановили: официантка с извиняющимся видом указала на Юаньбао у него на плече: Извините, с домашними животными нельзя.

Мы, семеро парней, дружно возмутились и пообещали, что если не пустят, мы все уйдем. Администратор, увидев, сколько потенциальных денег может уплыть, сделал незаметный жест. Черт, что за ерунда, я тут же придумал: Нет ничего важнее денег, нет ничего прекраснее денег.

Все рассмеялись, даже официантка не сдержала улыбки. Цзан Гуаньмо, проходя мимо, указал на меня той девушке: Знаете, чей это шиншилла? Его сына.

Девушка с любопытством оглядела меня и пробормотала: А тогда он кто?

Когда мы закончили ужинать, она уже знала, кто я такой. В сущности, я съел столько, сколько хватило бы на восьмерых: рыба закончилась, красные моллюски закончились, про сашими я вообще молчу. Я даже арбузные корки почти не оставил. Администратор, принимая оплату, вздохнул: Давайте сегодня пораньше закроемся.

Во время трапезы Цзан Гуаньмо был невероятно любезен с Цзинь Ли: постоянно подкладывал ему еду. Тот не мог отказать, да и явно побаивался Цзан Гуаньмо, поэтому безропотно ел все, что давали. Люй Цю посмотрел на это, дернул меня за рукав и прошептал: Странно как-то, а? Вы там, случаем, не затеваете чего?

Мой рот был набит креветками, взгляд — свирепый, движения палочками — молниеносные. Юаньбао, сидевший рядом, выглядел не менее голодным. Отец и сын — одного поля ягоды. А? — переспросил я.

Бесполезно, — сплюнул Люй Цю и взял баклажан, но прежде чем он успел поднести его ко рту, Секси его перехватил.

В этом блюде есть фарш из говядины, тебе нельзя, — Секси общался с Линь Эр и, не глядя, на автомате остановил Люй Цю.

Люй Цю застыл, как изваяние, лицо его побелело. Помедлив, он осторожно спросил: ...Ты знаешь, что мне нельзя говядину?

Секси остановился и нахмурился: У тебя разве не аллергия на говядину? Разве нет?

Да, именно так, — быстро ответил Люй Цю. Он был слегка польщен, а я, видя это, почувствовал, как защемило сердце. Значит, ты... помнишь?

Секси безразлично хмыкнул: ...Я смутно помню, что у кого-то из вас двоих аллергия на говядину, а у кого именно — уже и не припомню... — сказав это, он подозвал официанта и дозаказал блюда.

Люй Цю не стал расспрашивать дальше, продолжая глупо улыбаться, и пододвинул баклажаны мне. Глядя на его профиль, я вздохнул.

Ужин прошел весело, мы болтали, пели, выпили немало sake и сливового вина. Я поддался порыву и исполнил свой коронный номер — песенку про маленького ослика. Цзан Гуаньмо прыснул со смеху, а Юаньбао, опустив уши, жалобно спрятался за спиной Люй Цю.

Секси оказался знатоком: Цзяо Цзяо, у тебя неплохой слух и диапазон, жаль только, что с дыханием беда. Я гордо задрал подбородок, толкнул Цзан Гуаньмо: Слышал? А тот лежал головой на столе, задыхаясь от смеха: Я... я чуть не надорвался, это вы, учитель Сяо, меня рассмешили.

Расплатившись, мы вышли из ресторана. Никто не проводил нас любезным призывом приходить еще.

Юаньбао поднял лапку, похлопал по набитому животу и жалобно заверещал, прыгая на Люй Цю. Тот погладил его по шерстке и с укором уставился на меня: Цзяо Цзяо, надо же следить, нельзя столько давать.

Я подумал: откуда мне было знать, я жалел лишь о том, что у меня не четыре глаза, чтобы следить за всем столом.

Люй Цю и Цзинь Ли поехали обратно с Секси, Линь И, Линь Эр и Фэн Суй решили прогуляться до виллы пешком, чтобы осмотреться.

Нас спросили, не хотим ли мы с ними, но Цзан Гуаньмо, обняв меня за плечи, с улыбкой покачал головой.

Разделившись, я плелся рядом с ним: Эй, куда мы?

Искать перекупщика, чтобы продать тебя.

Я глупо хихикнул и прямо на улице запел про ослика. Он щелкнул меня по лбу: Жить не даешь! Говорю же, не вздумай сегодня пьяным дебоширить.

Мы завели мотоцикл, проехали пару поворотов и увидели неприметную деревянную дверь, от которой в ночном воздухе веяло чем-то солидным, но соблазнительным. На двери была красивая надпись: Lajas.

Цзан Гуаньмо небрежно толкнул дверь, она со скрипом открылась. Он шагнул вперед, оглянулся и дернул меня: Пошли, чего стоишь?

Это... что за место? Ты и правда собрался меня продать?

От страха опьянение улетучилось, и я начал мелко дрожать.

Осел ты недоделанный! — Цзан Гуаньмо рассмеялся и потянул меня за собой. — Продать тебя? Чтобы кто-то захотел купить, надо еще найти того, кто даст цену.

Внутри оказался бар. Тусклый свет, народу не очень много, но теснота ощущалась. Впереди была небольшая сцена, где женщина в ярком гриме, напоминающем боевую раскраску, извивалась в танце, распевая во весь голос. На ее обнаженной коже поблескивали стразы.

Я впервые был в таком месте и, конечно, нервничал, прилипнув к спине Цзан Гуаньмо, как мышонок. Он же, напротив, вальяжно покачивал плечами, и многие бросали на него взгляды — мужчины, женщины, всякие. Мне стало не по себе, я дернул его за рукав: Брат, пошли отсюда, не нравится мне здесь.

Он обернулся, протянул руку и притянул меня к себе: Чего боишься? Я же тебя не обижу.

Если захочешь — я все равно ничего не смогу сделать. — Я не мог вырваться, поэтому просто плелся за ним. Цзан Гуаньмо напрямик направился к стойке, уселся и крикнул бармену: Эй, А Ка!

Бармен по имени А Ка, протиравший бокал, поднял голову, помахал нам, аккуратно поставил посуду и подошел. Они с Цзан Гуаньмо ударились кулаками, видно было, что они старые знакомые: Джин-тоник?

Я серьезно покачал головой: Я пью только Маотай.

Пфф-ф... — сидевшие неподалеку люди подавились напитками. Цзан Гуаньмо вздохнул: Привыкнешь, я вот привык.

Он щелкнул меня по затылку и сказал А Ка: Не надо, каждый вечер одно и то же, надоело.

Тебе надоело, а мне нет. — А Ка был невозмутим. Даже на мою шутку не дрогнул, с каменным лицом поднял шейкер: Только что смешал, не пропадать же добру.

Я чувствовал себя как в ином измерении: то, чем они занимались, было для меня чем-то совершенно чуждым. С любопытством смотрел, как А Ка медленно вливает в бокал жидкость яркого цвета: Это и есть коктейль?

Если быть точным, один из видов, — Цзан Гуаньмо поднес бокал к глазам, ритмично постукивая по нему длинными пальцами, — Джин с тоником.

Мне тоже один, — услышав слово Джин, я понял, что это точно что-то стоящее.

Цзан Гуаньмо отпил глоток и с наслаждением вздохнул, не обращая на меня внимания. Зато А Ка подошел ближе: Малыш, ты откуда такой взялся?

Я посмотрел на его лицо, где в уголках глаз застыла нескрываемая усталость, и подумал: вот же дядя, неужели не стыдно так обращаться? — С Марса.

А Ка улыбнулся, отложил шейкер и принялся тщательно протирать стойку. Я заметил, что каждое его движение было наполнено одновременно серьезностью и какой-то дерзостью. Эта уникальность делала его заурядные черты лица неожиданно живыми.

<http://bllate.org/book/21141/2144107>